

УДК 37.014 (476.5)

РУКОВОДСТВО НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1924)**Т.П. ИВАНОВА***(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Рассмотрено становление национального образования. Показано, что руководство народным образованием (1917 – 1924) являлось важным аспектом деятельности государственных органов управления Витебской губернии.

В условиях создания новой концепции истории советского периода в отечественной историографии 1990-х – 2000-х годов важное место занимает тема становления национального образования. В 1993 году был издан сборник «Народная адукацыя у Беларусі» (1917 – 1945) [1]. Представляют интерес научные публикации В. Жукова, М. Беспалой, Е. Андреевой, А. Пыжикова, В. Гимбута, В. Тугая и других исследователей [2 – 6]. В последние годы в Республике Беларусь по вопросам образования защищены кандидатские диссертации исследователями И. Романовой, Н. Куракевич, Г. Исаковым, И. Пушкиным [7 – 10]. Но все вышеперечисленные работы являются обобщающими исследованиями в области развития просвещения, образования и культуры в рамках всей территории Беларуси и содержат единичные факты из жизни Витебской губернии 1917 – 1924 года. Следует отметить диссертационное исследование А. Зеленковой «Развіцце культуры на ўсходніх беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР (люты 1919 – 1926)» [11]; однако и оно базируется преимущественно на материалах Могилевской и Гомельской губерний.

Изучение архивных документов, имеющих отношение к развитию образования в Витебской губернии в 1917 – 1924 годов, дает возможность исследовать систему образования на региональном микроуровне, позволяет ввести в научный оборот новые исторические факты, раскрывающие деятельность местных органов управления по руководству народным образованием в рассматриваемый период.

Большевистская власть видела в школе могучее средство воздействия на общество. Система просвещения должна была готовить всесторонне развитых членов коммунистического общества. Также декларировалась децентрализация школьного дела, его полная автономия по отношению к государству и «муниципальным центрам». Объявлялось, что ни одно действие в области народного просвещения не должно приниматься властью без внимательного учета голоса представителей мира педагогики. Между тем обещанная децентрализация вскоре сменилась сначала сдержанным, а потом очень жестким партийно-государственным централизмом. Роль большевистской партии в руководстве просвещением постоянно росла, все существенные мероприятия исходили от ЦК и преподносились в зависимости от изменения политического курса [12].

Прежде всего отметим, что в ноябре 1917 года было принято Постановление Наркомата просвещения РСФСР «О реформе средней школы», распространившееся и на Витебскую губернию. Декретом СНК РСФСР от 20 января 1918 года были упразднены дирекция и инспекция народных училищ [13]. В соответствии с Декретом Наркомата просвещения РСФСР «Об организации дела народного образования», изданном в июне 1918 года «...все учебные заведения уездов переходят в ведение местных отделов по народному образованию, которые обладают автономией, но являются подотчетными губернскому отделу и должны действовать с его ведома и в контакте с ним. 21 июня 1918 года на заседании Витебского губернского отдела по народному образованию была установлена структура отделов в составе следующих подотделов: школьного, дошкольного, внешкольного, профессионально-технического, финансового и структурно-организационного. Заведующие подотделами назначались председателем отдела и утверждались в должности губернским исполкомом [14]. В 1918 году отдел народного просвещения Витебского губернского Совета депутатов находился по ул. Смоленской, 39.

В 1919 году губернский отдел народного образования состоял из таких подотделов, как общий, рабочего просвещения, информационно-инструкторский, статистический, финансовый, внешкольный, искусств, дефективных детей, охраны детства, национальных меньшинств, школьный, дошкольный, профессионально-технический, снабжения, печати. Кроме того, были созданы секции: латышская, польская, еврейская, клубная, библиотечная, по ликвидации неграмотности, школьно-курсовая, профессиональная, сельскохозяйственная, техническая, промышленно-экономическая, профессионального образования рабочих, театральная, изобразительного искусства, кинофотосекция, уездных агентств печати, непищевая, дровяная [15].

3 – 8 апреля 1918 года в Витебске проходил I губернский съезд учителей и работников народного образования. В школах губернии было решено ввести предмет «Родиноведение». Преподавание «Закона Божьего» в школах всех ступеней допускалось лишь по постановлению родительского комитета и только

для желающих изучать данный предмет. Планировалось открыть 10 гимназий и учительскую семинарию. Говорилось о необходимости открытия в Витебске высшего учебного заведения, например, университета, в связи с этим при политехникуме вводилось агрономическое отделение [16].

Остро стояли вопросы обеспечения элементарной санитарии в действующих школах, регистрации и содержания беспризорных детей. Положение об органах школьной санитарии были разработаны Наркомом здравоохранения 15 ноября 1918 года. В 1919 году губернский школьно-санитарный отдел был переименован в подотдел охраны здоровья детей. Комиссия о несовершеннолетних была учреждена декретом СНК в январе 1918 года; 1-я статья декрета гласила о том, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются», а статья 2-я констатировала: «дела о несовершеннолетних обоюбого пола до 17 лет, замеченных в общественно-опасных деяниях, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних». На станции Витебск ежедневно задерживались бездомные дети. Доставленные в комиссию малолетних преступников, они, как правило, назавтра оттуда убегали. Для кратковременного пребывания этих детей было приспособлено помещение в Балтийских номерах при общезжитии агентов УТЧК станции Витебск [17].

Если в дореволюционной Беларуси, как и в России, длительное время практиковалось раздельное обучение юношей и девушек в мужских и женских гимназиях, коммерческих училищах и других учебных заведениях, то советская власть с первых лет своего существования демонстрировала совершенно иной подход к школьной политике. В партийной программе РКП(б), принятой в марте 1919 года, говорилось о необходимости совместного обучения детей обоюбого пола. Мотивировалось это стремлением устранить существовавшее до революции неравенство женщин и мужчин. В связи с этим Народный комиссариат просвещения РСФСР ввел 31 мая 1918 года в школах страны обязательное совместное обучение мальчиков и девочек (просуществовавшее без изменений ровно четверть века – до лета 1943 г.) [18].

Народное образование в первые годы советской власти испытывало колоссальные материальные трудности. Так, Двинская учительская семинария ходатайствовала перед отделом народного образования Западной коммуны о немедленном дополнительном ассигновании на вторую половину 1918 года на содержание преподавателей и выплаты стипендиатам в размере 20083 руб. [19].

В условиях иностранной оккупации, хозяйственной разрухи ситуация в области культуры и народного образования стала еще более сложной. На захваченной Польшей территории Беларуси проводился курс, направленный на «ополячивание» белорусского народа. На свободной от оккупации территории большинство населения продолжало оставаться неграмотным. В начале 1919 года в Витебской и Могилевской губерниях была проведена перепись детей школьного возраста, которая показала, что многие дети, особенно в деревнях, не посещают школы. В Витебской губернии в июле 1919 года было зарегистрировано 13 668 детей 8 – 13 лет, посещали же школу только 8423 ученика.

В 1919 – 1920 годах были проведены соответствующие мероприятия, направленные на улучшение школьного дела. В 1920/21 учебном году в Витебской губернии было открыто около 300 новых, преимущественно начальных, школ. Была создана губернская комиссия помощи школе, проводившая значительную работу по сбору добровольных отчислений от зарплаты рабочих и служащих в фонд школы, сбору книг, наглядных пособий и т.д. В 1919 – 1920 годах при губернских и уездных исполнительных комитетах советов были созданы специальные комиссии по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В этих целях были открыты десятки школ и кружков. 26 декабря 1919 года был принят Декрет СНК «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения РСФСР». Для подготовки агитаторов-пропагандистов в Витебске в 1919 году была открыта школа агитаторов [20].

Для открывавшихся школ, особенно сельских, катастрофически не хватало помещений. Их размещали в бывших помещичьих домах. Так, в домах помещика Лычковского разместились Гороватская, Юшковская и Антоновская школы Сенненского уезда [21]. В Велижском уезде Витебской губернии на 1 октября 1919 года насчитывалось 163 школы первой ступени и 9 школ второй ступени. Внешкольное образование практически отсутствовало. Действовало только 7 школ для взрослых. Уездным отделом народного образования намечалось открыть еще 9 школ для взрослых в Велиже, а в деревенских школах ввести преподавание тех же предметов, что и в городских. Также в качестве обязательных предметов предполагалось ввести агрономию (по 3 часа в каждой группе) и ремесла (по 5 часов). Для желающих продолжить образование началась подготовка к открытию в каждой волости по 1 школе второй ступени. Эти школы делились на 4 группы; в них преподавались русский язык (2 часа в неделю), математика (3 часа), география (2 часа) и история социализма (2 часа). Как не обязательные предметы вводились языки, искусства и ремесла. А ввиду того, что Велижский уезд имел свои этнографические особенности, которые еще недостаточно исследованы, было принято решение о создании музея местного края [22].

Как правило, на деле все оказывалось гораздо сложнее. На V съезде советов Велижского уезда, проходившем в Велиже 1 – 6 апреля 1919 года, по-прежнему говорилось об очень сложном положении в народном образовании. Депутаты съезда говорили о том, что в некоторых школах «совершенно нет дров, помещения для школ никуда не годятся; наблюдается печальное явление – некоторые школьные работ-

ники, пренебрегая своими прямыми обязанностями, занимаются посторонними; а некоторые учителя, в погоне за высшим окладом содержания забрасывают свое дело и уходят на другое поприще». На съезде была высказана и такая реплика: «несмотря на то, что советская власть у нас существует 18 месяцев, ни один ученик в школе не может толково объяснить, что такое есть советская власть». А в связи с тем, что «во многих волостях школьные работники ранее принимали активное и пассивное участие в белогвардейском восстании, есть острая необходимость подготовить кадры «красных учителей» – отмечалось на съезде. Звучали и вполне простые истины: школьное дело «поставлено настолько плохо, что граждане уклоняются отдавать своих детей в школу, к тому же в деревне безжалостно эксплуатируется детский труд» [23]. Только в Полоцком уезде 29 % детей не могли посещать школы из-за отсутствия одежды и обуви.

На VII съезде советов Городокского уезда, состоявшемся 21 – 23 ноября 1919 года отмечалось, что благодаря усилиям школьного подотдела было открыто 68 школ, почти все школы функционируют. Предполагалось открыть и новые школы, но этому препятствовало отсутствие подходящих помещений, отсутствие школьных работников, нехватка школьного оборудования. Отмечались недостатки в школьном деле в Селищенской волости: школы работают плохо, замечается саботаж, избы-читальни не работают, волостной отдел народного образования бездействует. Констатировалось, что в Вировлянской волости почти все школы функционируют, но ощущается недостаток в дровах. Предлагалось открыть в Городке 7 детских садов, в уезде – 5-месячные курсы для учителей и 3-месячные курсы по трудовому обучению. На съезде шла речь о необходимости создания Института народного просвещения [24].

Приказом № 39 председателя ВРК ССРБ А. Червякова было предложено «ввиду острой необходимости в самом срочном порядке отремонтировать, по крайней мере, ту часть школьных зданий, которые требуют среднего и частичного ремонта». Также было решено провести «неделю помощи школе» с 20 сентября по 1 октября 1919 года (точный срок устанавливался в каждом уезде самостоятельно) [25].

В Сенненском уезде с апреля по ноябрь 1919 года отделом народного образования было открыто 14 школ 1-й ступени, одна школа для взрослых по ликвидации неграмотности, 31 изба-читальня, 3 детских сада и 3 детских дома. Были отремонтированы все действующие школы, а в Сенно организованы краткосрочные курсы для школьных работников по изобразительному искусству и ведению трудовых процессов. Стараниями Сенненского районного совета народного хозяйства и Сенненского уездного отдела народного образования в декабре 1919 года было открыто среднее сельскохозяйственное училище [26].

Декретом ВЦИК от 16 октября 1918 года были упразднены мужские и женские гимназии, реальные училища, высшие начальные училища. Советской властью особое внимание уделялось светскому характеру образования. В частности, перестали существовать семинарии. Так, Невельская учительская семинария была реорганизована в постоянные педагогические курсы. Была переименована в Институт народного образования Полоцкая семинария [27].

7 октября 1918 года решением коллегии губернского отдела народного образования бывшее Витебское женское духовное училище было преобразовано в советскую трудовую школу 2-й ступени, мужское духовное училище – в школу 1-й ступени, семинария – в школу 2-й ступени [28]. С 1919/1920 учебного года прекратил самостоятельное существование ряд других учебных заведений. Наркомом просвещения для Витебской губернии был открыт кредит на сумму 8 054 000 руб. (для расчета с педперсоналом, подлежащим сокращению).

На основе Постановления СНК от 16 сентября 1921 года и Распоряжения СНК от 18 ноября 1921 года о мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений местное население стало участвовать в их обслуживании. Подобное практиковалось и в годы гражданской войны. Отчисления крестьянских хозяйств на нужды школы было «добровольно-принудительным». Так, крестьяне д. Прудки Сенненского района в 1921 года не смогли выплатить 40 пудов ржи, и школа практически не функционировала. Не помогла жалоба самому председателю СНК. Регулярное налогообложение родителей детей, посещающих школы, было введено в начале 1922/23 учебного года согласно Постановлению СНК от 16 сентября 1922 года и Распоряжению по Наркомпросу от 22 октября 1922 года. В Витебской губернии между местными органами народного образования и жителями сел волостей стали заключаться договора о содержании школ (обеспечении заработной платой школьных работников и технического персонала, содержании зданий) согласно циркуляру губернского отдела народного образования от 7 августа 1922 года. Суммы, собранные родителями, составляли 50 % в бюджете местных школ [29].

В январе 1920 года циркуляром Наркомата внутренних дел, направленным всем губисполкомам, отмечалось: «чрезвычайный рост населения города, приостановка постройки жилых помещений и неотложные нужды фронта заставили местные власти почти все школьные помещения предоставить под учреждения армии, лазареты и т.п. Это ставит органы народного просвещения в чрезвычайно тяжелые условия из-за отсутствия помещений для школ. В тяжелое время было бы величайшим преступлением оставлять детей школьного возраста без учебных занятий. В силу этих соображений считаем весьма целесообразным утилизировать для школьных занятий здания религиозных храмов» [30].

Школьных работников обязывали проводить агитационно-пропагандистскую работу, которой советская власть всегда придавала особое значение. Исключением не стали годы гражданской и польско-советской войн. В феврале 1920 года управлением губернского военного революционного комитета было приказано всем уездным военно-революционным комитетам Витебской губернии и волостным местечковым исполкомам Витебского уезда предоставлять школьным работникам подводы 2 раза в неделю по субботам и воскресеньям для следования к пунктам чтения лекций [31]. Лекторское бюро было создано и при Полоцком уездном политпросе. Из-за отсутствия материальных средств на его существование практиковалась постановка платных спектаклей, правда, цена билета на их посещение не должна была превышать 1000 руб. [32].

Решением VII Витебского губернского съезда Советов, состоявшегося в марте 1920 года, в целях упрощения госаппарата вся культурно-просветительная работа сосредоточилась в отделе народного образования [33].

2 апреля 1920 года состоялся Витебский губернский съезд представителей волостных учительских объединений и уездных сельскохозяйственных комиссий шести свободных от оккупации уездов губернии. Если в школьном строительстве 1918 – 1919 годов большое внимание уделялось пропаганде идей трудовой школы, в 1919 – 1920 годах перед сельской школой была поставлена задача организовать сельскохозяйственные трудовые процессы. 1 октября 1919 года по распоряжению наркоматов просвещения и земледелия была создана губернская сельскохозяйственная комиссия. В состав комиссии входили представители трех губернских отделов: народного образования, земельного и совхозного. Главной задачей комиссии и была организация сельскохозяйственных процессов в трудовых школах [34].

В 1919 – 1920 годах в Витебской губернии было организовано 132 учительских объединения, в уезды направлено 2 626 613 экземпляров сельскохозяйственной литературы. Для учителей читались лекции по огородничеству, пчеловодству, садоводству. Школы обеспечивались сельскохозяйственными участками, по возможности семенами и инвентарем. Организовывались летние колонии, создавались трудовые дружины из учащихся для работы в советских имениях и коммунах, школьные участки. Согласно нормативным требованиям, на школьных участках должны быть: питомник, коллекции местной травяной флоры и декоративных растений, медоносное поле, дендрологическое отделение, сад, а по возможности, устроены парники и оранжереи, должно уделяться внимание кролиководству и пчеловодству. Детальный план конкретного школьного участка разрабатывался уездной сельскохозяйственной комиссией. Губернский отдел народного образования выделил на эти нужды в качестве первого аванса 5,5 млн. руб. Школьных учителей, свободных от курсов и внешкольной работы, привлекали к работе участков на правах мобилизации. Учителя и учащиеся, работающие на участках, должны были обеспечиваться питанием, обувью и рабочими костюмами [35]. Но это, в общем-то, интересное дело не имело значительного продолжения: местные крестьяне предпочитали использовать труд своих чад в собственных хозяйствах, опытные участки содержались кое-как, преимущественно силами учителей, да и те не всегда располагали для этого временем, будучи отозванными на курсы и общественные работы.

Дриссенский уезд был самым отсталым по уровню развития народного образования в губернии. Немецкая оккупация тяжело отразилась на состоянии школ в уезде, которые превращались немцами в конюшни. Сравнительная близость фронта создавала крайне неопределенное положение. Постоянные приказы об эвакуации, реэвакуации и мобилизации работников народного образования не позволяли сохранить то немногое, что было сделано в этой области. За 1921 год школьная реформа в уезде не сдвинулась с места. Не было создано ни мастерских, не введено в программу трудовое обучение, за исключением «смешного самообслуживания» и школьных огородов, на которых работали учителя. Школы по-прежнему нуждались в ремонте. Во всем уезде действовала лишь одна школа 2-й ступени – в Дриссе, планировалось открыть вторую в местечке Освея и организовать в Дриссе учительские десятимесячные курсы [36].

В 1921 году в губернии были открыты Витебский еврейский педагогический техникум продолжительностью обучения 4 года (на набережной р. Витьбы, в здании бывшей Талмуд-Торы), Витебский русский педагогический (по ул. Пушкинской, 3), а также Велижский, Городокский, Невельский и Полоцкий педтехникумы, педагогические курсы в Невеле и Сенно [37].

В силу невысоких темпов промышленного развития Беларуси, отсутствия материальной базы, в первой половине 20-х годов первоочередное развитие получили учреждения сельскохозяйственного и педагогического профиля. Индустриально-педагогические техникумы в БССР возникли в середине 20-х годов. В 1924 году на территории республики действовало 32 техникума, в которых обучалось 5 тыс. человек, и 3 вуза (обучалось 3 тыс. человек). Как тип массового рабочего образования вечерние школы сформировались в 1921 году, хотя некоторые из них существовали с 1918 г., например, школа им. Н. Крупской в Витебске. Положение о школах для взрослых было разработано 2 сентября 1922 года [38].

Систему образования новая власть стремилась приспособить к своим идеологическим установкам. Постепенно система образования превращается в основное звено укоренения коммунистической идеоло-

гии в сознание масс. Основные принципы подготовки советских кадров – классовая селекция, узкий практицизм, засилье марксистско-ленинской идеологии.

Профессионально-техническая образовательная сеть в губернии до 1914 года была представлена пятью ремесленными и одной сельскохозяйственной школой. Она создавалась практически заново после окончания немецкой оккупации. Ко времени организации подотдела профтехобразования в губернском отделе народного образования в его ведении оказались лишь Лужеснянское сельскохозяйственное училище, остатки оборудования Двинской и Дриссенской ремесленных школ и очень старое оборудование Городокского ремесленного училища. В 1919 году были открыты Витебский вечерний рабочий техникум, в 1920 – Витебский механический техникум, 8 школ профессионально-технического образования рабочих (точнее, 6 школ и 2 курса), Черницовское техническое училище. В 1921 году открыты: Лосвидская, Почейковская и Конашевская сельскохозяйственные школы, Полоцкая лесная школа, художественно-гончарная школа в Велиже, несколько сельскохозяйственных курсов [39].

На съезде районных советов Семеновской волости Полоцкого уезда в сентябре 1923 года говорилось о том, что в новом учебном году в волости будет 13 школ с 3-летним образованием, но волость нуждается и в школах с 4-летним и 7-летним образованием [40].

Имеющееся в документах Госархива Витебской области заключение инспектора Наркомата просвещения А.А. Пичугина, инспектировавшего народное образование Витебщины в 1923 г., содержит следующие небезыңтересные сведения. Губернский бюджет 1922/1923 учебного года составлял 4/5 бюджета 1913 года, т.е. он скорее приближался к бюджету 1910 года. Доля бюджета народного образования определялась в общегубернском 18,1 процентами. Имеющаяся сеть школ формально равнялась сети школ 1912 года, а на деле – 1904 – 1905 года. Отсутствовали средства на пополнение школ учебниками и пособиями, особенно это касалось национальных школ. Учительству Витебского и Городокского уездов не было выплачено жалование за октябрь и ноябрь 1923 года.

Материальное положение работников просвещения губернии по-прежнему продолжало оставаться тяжелым, за исключением педагогических работников школ, совмещающих преподавание в институтах и на различных курсах. Зарботная плата в размере 30 руб. в сельской школе и 120 руб. в городской никак не могла обеспечить прожиточный минимум. Отопление в текущем учебном году было лучше, чем в прошлом, и все же температура воздуха в детских домах не поднималась выше 10 градусов.

Были распространены так называемые детские очаги, которые представляли собой учреждения со смешанным составом детей (от 3 до 16 лет). Школы для подростков практически отсутствовали: учреждений для беспризорных детей совсем не было, приемник в Витебске представлял собой «какое-то организационное недоразумение: не то тюрьму, не то старые казармы». В учебном процессе использовались методы старой школы: отметки, единоличный опрос, экзамены, зубрежка, отрыв теории от практики, отсутствие самоуправления в школах, преподавание политграмоты было формальным, проводилось не планомерно и не систематически [41].

Перед отделением социальной правовой охраны в 1923 году были поставлены следующие задачи: «вести агитацию и пропаганду в пользу беспризорного ребенка, обследовать все учреждения города, организовать трудовую колонию для морально-дефективных мальчиков и пункт для девочек, произвести обследование домов заключенных на предмет изъятия несовершеннолетних из среды взрослых преступников, расширение швейных мастерских для беспризорных девочек». Пункт беспризорных детей был рассчитан на 20 человек. На 1 декабря 1923 года было зарегистрировано 18 человек, на 1 января 1924 года – 164; число побегов в декабре – 7; среднее время пребывания ребенка на пункте – 1 – 2 месяца [42].

Важнейшим делом культурного строительства в Беларуси 1918 – 1920 годов явилось создание высшего и среднего специального образования.

Значительные сложности были в создании системы высшего образования, поскольку эту проблему приходилось решать за счет местных кадров. Это показательно на примере Двинской учительской семинарии. Так, ее педагогический совет отрицательно отнесся к временному положению Государственной Комиссии по просвещению от 5 октября 1918 года о преобразовании семинарии в высшее педагогическое заведение. Мотивировалось это тем, что «учительские семинарии являлись и являются самым популярным среди крестьянского населения типом учебного заведения. Преобразование в институт, по крайней мере, в ближайшее время, трудно осуществимо, так как преподаватели семинарии не в силах заменить профессоров. Преобразованное учреждение будет являться лишь суррогатом вуза. Преобразование повлечет за собой на несколько лет перерыв в выпуске более или менее подготовленных школьных работников, которых выпускает семинария и в которых в настоящее время ощущается острая нужда в деревне» [43].

Особое место среди учебных заведений губернии занимал Витебский учительский институт. Он был открыт 21 ноября 1910 года, а после Октябрьской революции был передан в ведение Наркомата просвещения и преобразован в пединститут. Витебский педагогический институт открылся осенью 1919 года, совет его был создан ранее – 22 апреля 1919 года. В октябре 1919 г. пединститут был преобразован в

институт народного образования, в мае 1921 года переименован в Витебский практический институт народного образования в составе трех факультетов. Институт был переведен с военных казарм в здание бывшей Александровской гимназии. В 1923 году он вновь был реорганизован и получил название Высшего педагогического института с 4-летним сроком обучения, в отличие от обычных практических институтов народного образования, имевших 2- и 3-летний срок обучения.

На 1 января 1924 года Витебский институт народного образования (ректор – П.Н. Ильинский, проректор – Н.И. Макаревский) насчитывал 45 преподавателей и 5421 учащегося (из них – 175 мужчин и 367 женщин). Институт располагался на ул. Пушкинской, 3 и занимал трехэтажное каменное здание. Постановлением заседания комиссии губоно от 14 января 1924 года было установлено 15 стипендий губоно по 10 руб. золотом каждая, из них: 10 – для студентов местного вуза и 5 – для иногородних [44].

Когда отрицательно-разрушительная деятельность революции пошла на убыль, тогда неизбежно во весь рост перед страной и властью встал вопрос о насущной потребности в положительно-творческой деятельности. На VIII съезде партии была изложена реформа школы. Школа, отвечающая насущным экономическим потребностям того времени, должна быть построена так, чтобы понижался возраст для поступления в специальные профессиональные заведения, вместо 17-летних юношей и девушек реформа ориентировалась на 15-летних и предоставляла возможность раньше вступить в жизнь. Основной школой республики признавалась трудовая, общеобразовательная школа, воспитывающая детей в возрасте от 8 до 15 лет и, таким образом, подготавливающая к специальным знаниям. Политическое образование должно занять самое видное место. В воспитательном отношении общеобразовательная школа должна была избегать нивелировки детей путем участия детей школьном самоуправлении, однако без игры в школьные псевдореспублики (что это, как не боязнь демократизации школы?)

Характерная черта рассматриваемой реформы – особое внимание и высокая оценка фабрично-заводских подростков как объекта воспитания в государстве рабочей диктатуры. Основной задачей деятельности Комиссариата народного просвещения – создание сети ФЗУ, в первую очередь для подростков местного промышленного населения. Предполагалось отказаться от преподавания, построенного на мертвом схоластическом делении на предметы, отказаться от сообщения учащимся отвлеченных знаний, вместо столь необходимых умений и навыков на основе «трудовых процессов».

На съезде констатировалось, что семья как источник воспитательного воздействия угасает, распадается и нет никаких оснований препятствовать этому явлению. Более устойчивой формой, отвечающей цели социального воспитания, был признан детский дом, задуманный как общественная форма спасения детей, раньше других выпадающих из разлагающейся семьи старой формации. Обслуживание детских интернатов республика признает первоочередной задачей в деле строительства.

В настоящее время историками и педагогами дается неоднозначная оценка этой реформы 1919 года. Коренной вопрос всей реформы заключался в явном желании наклонить общеобразовательную школу в сторону профессионализма, индустрии. Здесь предвиделась серьезная опасность. Реформа была продиктована текущим властным моментом. Но в педагогике есть только одно основание, не менее необходимое и серьезное, а именно, антропологическое – развитие физических и духовных сил детей и юношей. Педагог есть прежде всего служитель этого всестороннего развития обучаемого, и покинуть свой пост, отдаться всецело во власть текущего момента он не может. Воспитание должно быть антропологично, нужно воспитывать прежде всего человека, а потом гражданина. Это первый и важнейший догмат Руссо, Песталоцци, Фрегеля, Пикассо, Пирогова, Ушинского Толстого. Да и семья, хотя и переживала кризис, как педагогический фактор еще не отжила свой век [45].

До конца восстановительного периода в Беларуси была сформирована система школьного образования. Основу ее составляли общеобразовательная трудовая политехническая семилетняя школа, призванная обеспечить общую подготовку детей трудящихся в полном объеме, которая соответствовала требованиям социалистического строительства и интересам общественно-политической и культурной жизни народа [46].

Государственная политика в области образования была направлена на создание новой советской системы образования и воспитания, обеспечение реальных возможностей детям рабочих и крестьян получать знания, развитие профессионально-технической, средней специальной и высшей школы, повышение роли кадров народного образования в строительстве социализма [47].

Частью перестройки системы народного просвещения в Беларуси в 20-е годы явилось проведение государственной политики белорусизации. Коммунистическая власть республики не могла игнорировать факт национально-культурного возрождения, которое с начала XX века все больше набирало силу. При Наркомате просвещения был создан белорусский отдел, при местных органах просвещения – белорусские отделы.

После окончания интервенции и гражданской войны вопросы национального просвещения и школы заняли одно из важных мест в деятельности государственных органов.

Активная работа по организации белорусской секции при Витебском губоно началась в сентябре 1921 года – позже чем в других губерниях, так как местное руководство неблагосклонно относилось к этой идее. Этот вопрос неоднократно обсуждался на коллегиях губоно, в том числе и 4 мая 1922 года. Из средств, выделенных НКП РСФСР губернскому совету по просвещению национальных меньшинств, было запланировано содержание трех должностей белорусских инспекторов, которые должны были вести работу по содержанию белорусской секции. Но работники Витебского губоно категорично высказались против. Они подчеркивали, что создание белорусской секции только расширяет аппарат, а белорусский язык неестественный, не понятный массам. Во время нахождения Витебщины в составе РСФСР здесь не действовало ни одной школы или культурно-просветительного учреждения на белорусском языке. А в то же время велась значительная работа по обслуживанию населения других национальностей, проживающих на территории Витебщины [48].

Только в 1924 году, когда наиболее активно инициировался вопрос о присоединении к БССР восточных губерний Беларуси, процессы белорусизации активизировались и в этом регионе. В рамках политики белорусизации в Минске с 1 по 15 января 1924 года были организованы курсы школьных работников из Гомельской (30 чел.), Смоленской (20 чел.) и Витебской (25 чел.) губерний. В программе этих курсов по переподготовке школьных работников-белорусов были: белорусский язык, методика его преподавания, лекции «Трудовая школа в СССР и за границей», «Современное положение Белоруссии как экономического района», «Белоруссия в политических отношениях», «Национальная политика Советской власти», «Историческое прошлое Белоруссии», «Современная белорусская культура» [49]. То есть при всей заидеологизированности данных курсов они, тем не менее, представляли интерес с точки зрения формирования национального самосознания и развития национального образования.

В 1919 – 1924 годах происходило становление системы школьных учреждений национальных меньшинств. Советская власть рассматривала эту систему как мощное средство советизации представителей этнических общностей. Государство стремилось советизировать и подвергнуть соответствующей идеологической обработке молодежь школьного возраста, а также привлечь национальную интеллигенцию к социалистическому строительству [50].

Следует отметить в целом, что история государственной политики в этноконфессиональной сфере в первые годы советской власти была сложной и противоречивой. И хотя она не отличалась богатством идейно-теоретических моделей, вариантов и способов их реализации, осуществления социокультурного самоопределения этносов, ее опыт заслуживает пристального внимания.

Общепризнано, что формирование этнокультурной компетентности предполагает введение личности в процессе ее воспитания и образования изначально в родную для него, а затем и в иные культуры. Этнокультурная компетентность как объективно-субъективное явление включает в себя готовность изучать различные культуры с целью комфортного сосуществования в полиэтнической среде, преодоление узости кругозора, постижение взаимовлияния народов. Процесс осмысления должен основываться на изначально позитивном восприятии всех этносов и критическом отношении к инцидентам и конфликтам на национальной почве [51].

Внимание к роли этносоциальных и этнополитических факторов, в том числе и тех, что действовали в первые годы становления нового государства, усилилось и в зарубежной историографии. Британский специалист в области советской этноконфессиональной политики Дж. Смит полагает, что роль Комиссариата по делам национальностей заключалась лишь в том, чтобы быть «инструментом для рекрутирования, мобилизации и социализации» национальных элит и масс, направляя их на реализацию решений советского правительства. В 1918 – 1919 годах комиссариаты и отделы НКВД вели военно-политическую и культурную работу в регионах и добивались признания Москвой принципов территориальной автономии. Политика большевиков в национальном вопросе в 1917 – 1923 годах, по мнению Дж. Смита, явилась уникальным экспериментом по развитию и манипулированию политической лояльностью «национальностей», конструированию национальной идентичности и одновременно разрешению межнациональных конфликтов. Социалистическая идеология была направлена скорее на стирание национальных особенностей, нежели их долговременный учет в первом социалистическом государстве. Смит считает, что НКВД не был бесполезным для нерусских народов, поскольку отражал потребности центральной власти и региональных этнических элит в плане превращения культурных различий между народами в этнополитическую государственность [52].

31 октября 1918 года было опубликовано Постановление Наркома просвещения М. Покровского о школах национальных меньшинств. Пункт 2 Постановления гласил о том, что школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. Количественная норма устанавливается в размере не менее 2 учащихся для одной и той же возрастной группы.

29 ноября 1918 года по этому вопросу было принято дополнительное постановление Коллегии Наркомата просвещения, согласно которому при всех отделах народного образования областных, губернских и уездных советов в тех местах, где существовали национальные меньшинства, организовывались подотделы просвещения национальных меньшинств. «Этот подотдел 1) открывает и организует культурно-просветительные учреждения и учебно-воспитательные заведения для местного населения национальных меньшинств; 2) составляет и ведет список кандидатов на должности ответственных работников культурно-просветительных и учебно-воспитательных заведений и учреждений национальных меньшинств; 3) заботится о пополнении библиотек изданиями на родном языке; 4) просматривает сметы просветительных учреждений и заведений национальных меньшинств, согласует и дает свое заключение; 5) собирает статистические данные о положении просветительского дела среди национальных меньшинств данной территории; 6) выдает местному населению национальных меньшинств (на понятном ему языке) справки и указания, касающиеся культурно-просветительного и учебно-воспитательного дела; 7) устраняет вредные по своему направлению явления (например, националистические) в культурно-просветительной работе местных национальных меньшинств, проводит и направляет все дело просвещения, согласно распоряжений и постановлений отдела народного образования и высших органов народного просвещения» [53].

В 1921 году в Витебской губернии насчитывалось около 10 тыс. латышей. Культурный уровень взрослых латышей был очень высоким (неграмотных среди них не более 1 – 2 %). В губернии в этот период насчитывалось 33 латышских культурно-просветительных учреждения: в Витебске – 8, в Витебском уезде – 22, Городокском уезде – 3, из них – 2 дошкольных учреждения (в Витебске), 9 школ 1-й ступени (в Витебске – 1, в Витебском уезде – 7, в Городокском уезде – 1), 1 клуб (в Витебске), 3 культурных сообщества (в Витебском уезде) и 8 библиотек (в Витебске – 2, в Витебском уезде – 5, в Городокском уезде – 1). Латышский клуб в губернском Витебске существовал с марта 1917 года. В 1918 году он располагался по ул. Пушкинской, 2; в его состав ходило 134 человека (из них – 64 рабочих, 42 красноармейца, 28 – прочие профессии). При клубе действовал просветительный орган – клуб «Коммуна» [54].

Тем не менее в организационной работе среди латышского населения имели место отсутствие сильного руководящего центра, недостаточность бюджетных материальных средств, и как следствие, нехватка квалифицированных кадров и неполная обеспеченность населения национальными школами. Школы недостаточно снабжались латышскими учебными пособиями и литературой, пользовались русскими учебниками, латышские же пособия не всегда соответствовали новым программам и методам преподавания. И, конечно же, идеологическая работа являлась довлеющим моментом в процессе организации образовательной и культурно-просветительной деятельности государственных органов власти и управления.

Еврейская секция при Витебском губернском отделе народного образования была организована в марте 1919 года. В этом же году состоялся I областной съезд евреев-работников просвещения и социально-культурных учреждений Витебской и Смоленской губерний, на котором присутствовал 121 работник системы просвещения из 15 населенных пунктов Витебской губернии. Витебский губернский комиссариат по еврейским национальным делам располагался по Дворцовой, 18 и имел следующие отделы: общий, беженский, культурно-просветительный со школьным, издательским и литературно-художественным подотделами, а также контрольно-финансовый отдел.

В 1919 году в Витебске действовали еврейские детские сады: 1-й еврейский детский сад по ул. 2-й Ветреной, 23/27; 2-й еврейский детский сад по ул. Кантонической, 24; 3-й еврейский детский сад по ул. Луческой, 10; 6-й еврейский детский сад по ул. Воробьева, 7 (Дом Малевича), а также еврейский детский сад – в м. Сиротино под Витебском [55].

В 1921 году в губернии действовало 175 еврейских культурно-просветительных учреждений: детских садов – 35, коммун и интернатов – 5, школ 1-й ступени – 41, школ 2-й ступени – 2, юношеских клубов – 7, вечерних школ подростков – 4, вечерних школ для взрослых – 17, а также клубов – 8, библиотек – 30, драматических групп, культурно-просветительных и драматических кружков – 23, педагогических учреждений – 3.

В начале 1923 года была восстановлена Горбовская эстонская школа 1-й ступени Добромысленской волости Витебской губернии, причем восстановлена на основе коллективного договора, все расходы по содержанию школы и школьных работников были возложены на население. Эстонцы, жители Витебщины, могли получить образование в Эстонском практическом институте, который находился по адресу: Петроград, Васильевский остров, 1-я линия, 52. Институт был реорганизован в педагогический техникум высшего типа и готовил преподавателей для школ 1-й и 2-й ступеней. Для поступающих с Витебской губернии здесь было выделено 3 места [56].

Польская секция при Витебском губернском отделе народного образования была организована 15 октября 1919 года. Секция обеспечила все школы достаточным количеством учебников, из Москвы и Киева были доставлены 10 тыс. польских книг. В Витебске были открыты школа для польских военнопленных, детский сад, детский дом и польская библиотека. В Витебском уезде было открыто 6 школ

1-й ступени, в Полоцком – 4 школы, в Сенненском – 6. В шести из названных школ со значительным количеством польских детей введено преподавание польского языка, при них открыты курсы по ликвидации неграмотности, созданы библиотеки. В 1921 году в польской секции зарегистрировано 71 учреждение: в Витебске – 6, в Витебском уезде – 14, Полоцком – 21, Сенненском – 11, Лепельском – 9, Оршанском – 9, Дриссенском – 1 [57].

Из доклада о деятельности Польбюро Витебского губоно с 1 августа по 1 ноября 1923 года известно, что были организованы 6 новых передвижных библиотек, при библиотеке г. Витебска открыта читальня. С 15 октября возобновлены занятия в марксистском кружке рабочего просвещения по польским учреждениям г. Витебска, проведена кампания по вербовке студентов в центральные вузы, педтехникум и вновь открываемый Петроградский польский рабфак, причем разверстка в вузы была выполнена на 120 % [58].

В 1923 году в Витебском уезде действовало 5 польских школ, в которых обучалось 168 учеников, из них в этом же году из-за отсутствия школьных работников были закрыты Куриловская польская школа в Витебском уезде и Концевичская школа в Оршанском уезде. На 1 января 1924 года в Оршанском уезде имелись 3 польские школы: в Толочине, деревнях Дешевы и Клебаны. В отчете работы польской сессии Оршанского уездного исполкома за декабрь 1923 – март 1924 гг. отмечалось, что «необходимо в польских школах усилить педперсонал, подобрать необходимую литературу, как и в польском отделении Пушкинской библиотеки». На 1 мая 1924 года намечено созвать уездный съезд молодежи польских школ в Клебаны Смольянской волости. Отмечалось также, что в каждой школе выписываются газеты на польском языке «Серп» и «Звезда молодежи» [59].

В 1923 году на центральные и местные курсы и конференции для работников секций национальных меньшинств Витебского губернского отдела народного образования было выделено 4 места – для латышей, 10 – для евреев, и 20 – для поляков [60].

В феврале 1924 года в Витебске были открыты пункты ликвидации неграмотности на латышском, еврейском и польском языках [61].

Необходимо признать, что повышению культурного уровня населения, в том числе национальных меньшинств, советская власть придавала большое значение. Но несмотря на значительное количество штатных работников, национальная работа на местах носила несистемный характер. Целенаправленная работа началась только с 1924 года.

С марта 1924 года, с ликвидацией Витебской губернии и вхождением Витебщины в состав ССРБ вопросы развития народного образования решались в контексте единой белорусской общеобразовательной школы, на новый уровень поднялась работа школ национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народная адукацыя у Беларусі (1917 – 1945) – Мн.: Народная асвета. – 1993.
2. Жуков В.П. Профессионально-техническое образование в Беларуси в 1917 – 1937 гг. // Майстэрства. – 1996. – № 2. – С. 8 – 120.
3. Бяспалая М.А. Вясковае настаўніцтва і школа 20-х гг. (на падставе матэрыялаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 3. – С. 64 – 66.
4. Гимбут В. Реализация задач национально-просветительной политики среди национальных меньшинств в 1920-е гг. // Гісторыя і праблемы выкладання. – 2002. – № 2. – С. 39 – 46.
5. Тугай У. Арганізацыя сістэмы адукацыі і культурна-аветніцкай дзейнасці ў латышскіх калоніях БССР і Заходняй Беларусі (20 – 30-я гг.) // Гісторыя і праблемы выкладання. – 2002. – № 2. – С. 3 – 18.
6. Андрэева Е.Г. Ідэя нацыянальнай школы ў педагагічнай публіцыстыцы 1917 – 1924 гг. // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 8. – С. 35 – 36.
7. Раманава І.М. Фарміраванне савецкай сістэмы адукацыі ў БССР 1921 – 1930 гг. – Мн., 1999.
8. Куракевіч Н.І. Дзяржаўная палітыка ў галіне народнай адукацыі і нарыхтоўка настаўніцкіх кадраў на Беларусі (1921 – 1930 гг.) – Мн., 2002.
9. Исаков Г.В. Становление и развитие образования в области изобразительного искусства в Беларуси (конец XIX в. – 1941 г.). – Мн., 2002.
10. Пушкін І.А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці. 20-я гг. XX ст. – Мн., 2002.
11. Зелянкова А.І. Развіццё культуры на ўсходніх беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР (люты 1919 – 1926): Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. – Мн., 2002.
12. Латыш М.І., Снапкоўская С.В., Еўдакімава А.Л. Рэфармаванне сістэмы адукацыі (пачатак XIX – канец XX ст.): пошукі і дасягненні // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 8. – С. 67.
13. Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (середина XIX – XX вв.). – Мн. – Витебск. – 2002. – Л. 100.

14. Государственный архив Витебской области. Ф. 1821, оп. 1, д. 249, л. 3, 29.
15. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 144, л. 97.
16. ГАВО. Ф. 1821, оп. 1, д. 249, л. 8, 17, 17 об., 19, 23.
17. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 2, л. 549, 557.
18. Пыжиков А.П. Раздельное обучение в советской школе // Педагогика. – 2004. – № 5. – С. 78.
19. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 20, л. 77.
20. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 2: Люты 1917 г. – 2000 г. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі і інш.; Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мн.: Універсітэцкае. – С. 102 – 104.
21. Государственный Зональный архив в г. Полоцке. Ф. 1666, оп. 1, д. 44, л. 2, 9, 12.
22. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 85, л. 306, об. 308.
23. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 85, л. 308 об., 309.
24. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 86. л. 516, 519, 522, 522 об., 550.
25. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 144. л. 66.
26. ГАВО. Ф. 1654, оп. 1, д. 3, л. 122, 122 об., л. 126 об.
27. ГАВО. Ф. 246, оп. 1., д. 20, л. 98, 128.
28. ГАВО. Ф. 1821, оп. 1., д. 249, л. 56.
29. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 60, л. 40, 47, 67, 67 об., 70.
30. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 1, л. 3.
31. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 40. л. 5.
32. Государственный Зональный архив в г. Полоцке. Ф. 81, оп. 1, д. 9, л. 3, 19.
33. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 144, л. 22 об.
34. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, д. 123, л. 21.
35. ГАВО. Ф. 2262, оп. 1, оп. 1, д. 123, л. 21 об., 23
36. ГАВО. Ф. 246. оп. 1, д. 20, л. 113, 113 об., 114, 114 об.
37. ГАВО. Ф. 246. оп. 1, д. 29, л. 29 об., 30.
38. Раманава І.М. Падрыхтоўка кваліфікаваных кадраў у БССР у 20-я гады // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2000. – № 3. – С. 61, 62, 64.
39. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 29, л. 7, 27 об., 28 об., л. 50.
40. Государственный Зональный архив в г. Полоцке. Ф. 100, оп. 1, д. 10, л. 10.
41. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 91, л. 6.
42. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 236, л. 63, 15.
43. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 20, л. 123.
44. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 248, л. 1, 11, 15; Д. 20, л. 124; Ф. 1319, оп. 1, д. 35, л. 36.
45. Каптерев П.Ф. Последняя образовательная реформа // Педагогика. – 2005. – № 3. – С. 71 – 75 .
46. Куракевіч Н.І. Развіццё сярэдняй школы і прафадукцыі ў Беларусі ў аднаўленчы перыяд // Народная асвета. – 2001. – № 11. – С. 64.
47. Куракевіч Н.І. Дзяржаўная палітыка ў галіне народнай адукацыі і нарыхтоўка настаўніцкіх кадраў на Беларусі (1921 – 1930 гг.): Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. – Мн., 2002. – С. 12.
48. Зелянкова А.І. Палітыка савецкай улады ў галіне адукацыі на беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР (1919 – 1926) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2003. – № 2. – С. 48 – 52.
49. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 84, л. 60, 64.
50. Дзядзінкін А.Л. Станаўленне сістэмы адукацыі нацыянальных меньшасцяў на Віцебшчыне (лістапад 1917 – сакавік 1924 г.) // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности: Материалы междунар. науч.-теорет. конф. – Витебск, 2003. – С. 159 – 160.
51. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. – 2005. – № 3. – С. 35.
52. Smith J. The Bolsheviks and National Question. 1917 – 1923. Bagistoke. Macmillian in Accociation with the School of Slavonic and East European Studies. – London: University of London. 1999. – С. 242.
53. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 18, л. 5, 7, 7 об.
54. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 29, л. 107 об.; ф. 114, оп. 1, д. 17, л. 10.
55. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 26, л. 15, 18, 21, 24, 27.
56. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 70, л. 17; д. 84, л. 1.
57. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 29, л. 107, 107 об.
58. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 84, л. 46.
59. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 70, л. 17, 32; д. 330, л. 4, 73, 79.
60. ГАВО. Ф. 246, оп. 1, д. 84, л. 119.
61. ГАВО. Ф. 1319, оп. 1, д. 35, л. 39.